

Кубанский писатель

№ 4

апрель
2010 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

С 65-летием Великой Победы, дорогие ветераны Великой Отечественной войны и земляки-кубанцы!

Поздравляем!

Международная литературная премия им. М.А.Шолохова присуждена члену Союза писателей СССР-России прозаику Борису Евгеньевичу Тумасову! Сердечно поздравляем писателя-фронтовика, автора книг, посвящённых истории государства российского с высокой наградой.

ПАНОРАМА

21 марта 2010 г. в Краснодарском краевом Доме учёных и инженеров состоялся литературный праздник, посвящённый Международному Дню поэзии.

В уютном концертном зале собрались музыканты, артисты, писатели, любители изящной словесности. Председатель Правления Краснодарского регионального отделения «Союз писателей России» С.Н.Макарова поздравила присутствующих и вручила благодарственные письма за активную пропаганду творчества кубанских писателей и высокий патриотизм председателю Общественного Совета при краевой писательской организации – Н.А.Стрижовой, членам Совета – супругам Рыбалко, а также постоянному организатору, составителю и участнику литературно-музыкальных программ, члену Союза писателей России – С.А.Медведевой.

В апреле этого года у Краснодарского краевого литературного объединения «Верность» пятилетний юбилей. Благодарственными письмами были награждены руководители объединения поэты В.А.Динька и принявшая у него бразды правления Л.К.Мирошникова. А самые активные участники «Верности» отмечены почётными грамотами: Л.Н.Галицкая (г.Темрюк), Л.А.Калаушина (г.Краснодар), В.А.Деревянко (г.Краснодар), Н.Бедная (Краснодар), И.В.Вединова (г.Краснодар), Л.И.Нацевич (г.Темрюк).

Минутой молчания все собравшиеся почтили память своих ушедших собратьев. Затем звучали стихи. Ни один из присутствующих поэтов не был обделён вниманием. Аплодисментами встречали зрители музыкальные номера в исполнении артистов Народной вокальной студии Краснодарского Дома учёных и инженеров: лауреата краевого конкурса православной авторской песни «Величай, душе моя...», члена Союза писателей России Светланы Медведевой, заслуженного работника культуры России Владимира Ненашева, а также Андрея Звягинцева и Тамары Несчетной. Руководитель и аккомпаниатор – Елена Снагощенко.

СОБИНФО

СОБЫТИЕ

10 апреля в Краснодаре в Муниципальном органном концертном зале прошёл юбилейный вечер Кронида Александровича Обойщикова. Юбилера поздравили Г.Д.Золина, заместитель губернатора Краснодарского края; В.Г.Захарченко, композитор; Н.И.Горовой, председатель краевой ветеранской организации; С.Н.Макарова, председатель краевой писательской организации и другие. Председатель Городской Думы Краснодара Е.А.Егоров вместе со словами приветствия вручил поэту ключи от новой квартиры. А накануне юбилея ветеран Великой Отечественной войны был приглашён в Англию.

«...В кругу союзных моряков»

О кубанском поэте Крониде Обойщикове теперь знают и в Англии, где в честь 65-летия победы над фашистской Германией состоялась историческая встреча участников северных морских конвоев, доставлявших в СССР по ленд-лизу продовольствие и вооружение. В 1942 году двадцатилетний лейтенант Кронид Обойщиков на истребителе «Пе-3» в специальной авиагруппе прикрытия сопровождал конвои, защищая их от налётов немецкой авиации. Спустя 68 лет именно Кронид Александрович, единственный из российских ветеранов войны, англичане пригласили в Лондон.

Меня повели к послу, я подарил ему две свои книжки. Он тут же поставил меня рядом с собой, и десяток фотокамер запечатлели приятное высокое соседство. А уж потом меня профессионально атаковали телеоператоры двух российских программ.

тели Лондона никогда не уступают место в общественном транспорте, забывают сказать «спасибо» и редко улыбаются. Чуть несусветная! Я много видел улыбок, и прямо-таки нежного отношения к старикам.

Когда мы уже сидели на уличной скамейке, к нам подошла англичанка в простой одежде и сказала, что её мама тоже была участницей северных конвоев. Она неожиданно передала мне пакет с тремя книгами. Это подарок русскому моряку, сказала она.

Эти книги я передам новому Краснодарскому музею Великой Отечественной войны как благодарную память о нашей боевой дружбе в битве с общим врагом.

Что можно узнать о большом европейском городе за три дня?

Наш отель находился в центральной части города, вблизи самого древнего здания – лондонской башни Тауэр. Отсюда начинал своё развитие город. Тауэрский и Лондонский мосты, красочно зависшие над спокойной Темзой, башня парламента Соединенного Королевства с часами Биг-Бен, самое крупное в мире колесо обозрения «Лондонский глаз» высотой 135 метров, площадь Пиккадилли, триумфальная арка Веллингтона, сорокашестиметровая колонна адмирала Нельсона на Трафальгарской площади, вокруг которой располагаются Лондонская национальная галерея, церковь святого Мартина, арка Адмиралтейства и несколько посольств – всё это запечатлелось в памяти и на пленке кинокамеры.

Поразила меня зеленая сказка парков. О, сколько бы у нас понастроили там лавочек, пивных баров, всевозможной торгашеской дряни! В Гайд-парке всё чисто, просторно. Чарующе зелено.

С почтением наступив на нулевой меридиан в Гринвиче, мы отправились на аэродром Хитроу, откуда современный аэробус понёс нас в родные пенаты. Три дня пролетели, как три минуты.

Кронид ОБОЙЩИКОВ

Краснодар – Лондон –
Краснодар

«Я понимал, что кроме меня есть и более достойные защитники союзных кораблей, просто я многих пережил и мне необычайно повезло, что нашли меня. Под ровный шум двигателей авиалайнера в моей сентиментальной душе рождались стихи.

*Лечу в кипень облаков,
Чтобы отпраздновать Победу,
В кругу союзных моряков
Продолжить давнюю беседу.
Но что скажу я в этот раз?
Ол райт! Гуд бай! -
весь мой запас.*

*А может, тут и слов не надо?
Я загляну друзьям в глаза,
Где плещут море и гроза,
И обниму – и в том награда!*

К 11 часам 24 марта в белых парадных костюмах, украшенных боевыми наградами, стали медленно стекаться оставшиеся в живых члены экипажа крейсера «Белфаст». Девятипалубная громадина длиной 187 метров встала на вечный прикол у набережной Темзы, превратившись в корабль-музей, подобно нашим «Авроре» – в Ленинграде и «Адмиралу Макарову» в Новороссийске. Это единственный сохранившийся в Англии корабль, принимавший активное участие во Второй мировой войне.

Торжественную встречу открыл посол России в Великобритании господин Юрий Федотов. Представитель администрации президента России господин Осипов торжественно вручил медали в честь 65-летия Великой Победы английским ветеранам.

С медлительностью восьмидесятилетних людей, с присущим англичанам достоинством и заметной горделивой благодарностью ветераны получали награды страны, вспомнившей их боевые подвиги через многие годы.

Меня же волновало совсем другое. Я очень надеялся на встречу с участником плаваний Ричардом Сквайерсом. С ним я познакомился в Архангельске в августе 1991 года на десятилетней годовщине прихода первого каравана «Дервиш». Семь раз приходил моряк Сквайерс на транспортах в русский порт, полюбил нашу страну и создал в Ливерпуле клуб «Северная Россия». К сожалению, на встрече в Лондоне его не было, приглашали только служивших в войну на крейсере «Белфаст».

Бытует общепризнанное мнение, что англичане – народ малодружелюбный, замкнутый, даже невоспитанный. Согласно неизвестно каким исследованиям, жи-

НИКОЛАЮ ЗИНОВЬЕВУ - 50 ЛЕТ

«Я каждую ночь своим сердцем кормлю свою сумасшедшую Музу»

О предках и цивилизации

«Зеленый месяц смотрит в лужу, мерцают звезды, воздух чист...» Такой вот чистой пасхальной ночью, когда воздух напоен ожиданием весны и чуда, выходил из белой хатки в селе Братковском прадед, замирал на крыльце в немом восхищении перед красотой Божьего мира, выразить которую словами не мог. Не умел. Но ощущал всей душой. И сокрушаясь своей немотой, он степенно крестился, читал молитву, внутренне настраиваясь на нелегкую дорогу к храму. До соседней станции двенадцать верст — путь не ближний. Но он верил, что одолеет дорогу. С Богом одолеет.

**Душ любимых спасения ради,
Богомолком прослывши окрест,
Раз в году в церковь хаживал прадед.
На коленях...**

В соседний уезд.

Утоптанной тропкой мимо темных хат, мимо несмело зацветающих вишен, мимо почерневшей от дождей горбылины колодезного журавля, мимо, мимо. На чернеющей влажной землей проселок, на простор зеленеющего озимого поля, мимо спящей речушки. Мимо, мимо. Божий мир накануне Христова Воскресения чист и благостен. Из необъятной небесной тверди смотрит Господь глазами звезд на неоглядный земной простор, на маленькую человеческую фигурку, залитую лунным светом, упрямо ковыляющую своей дорогой к храму. Стерлись в лохмотья штаны, кровоточат исцарапанные колени, но он не даст себе поблажки. Он будет ползти из последних сил за все свои грехи, за грехи детей и будущих внуков, один из которых много лет спустя напишет:

**Равнодушный к бесславию и славе, я
По родимой плыву стороне
На своем островке Православия,
Подгребайте, кто хочет, ко мне.
На земле все сгорит и расплавится,
Все сожрет ненасытный огонь,
Только мой островок и останется,
Потому что он — Божья ладонь.**

А дед по отцовской линии сочинял стихи. Он записывал их в большую амбарную книгу. Бабушка вспоминала: книга была. Вечерами, когда все дневные труды завершались, когда наступало время отдыха, дед открывал заветную книгу. Эх, жаль не уберегла бабушка этот рукописный стихотворный сборник. Но как ее винить? До стихов ли ей было! Четверо детей на руках, хозяйство. Дед хворал. Он и умер-то совсем молодым, в тридцать три года. Но душа у него пела, и неслетая песня эта вместе с прадедовой истовой верой в Бога чудным образом сплелись и проросли в душе внука стихами пронзительной силы и моги:

**Сердцу грустно, духу нище.
Жизнь права, и смерть права.
Лето. Сельское кладбище.
Ни крестов, ни звезд. Трава.**

**Но среди травы могильной,
Бледен, тонок и высок,
Колосок — гербом фамильным.
Тонкий, хлебный колосок.**

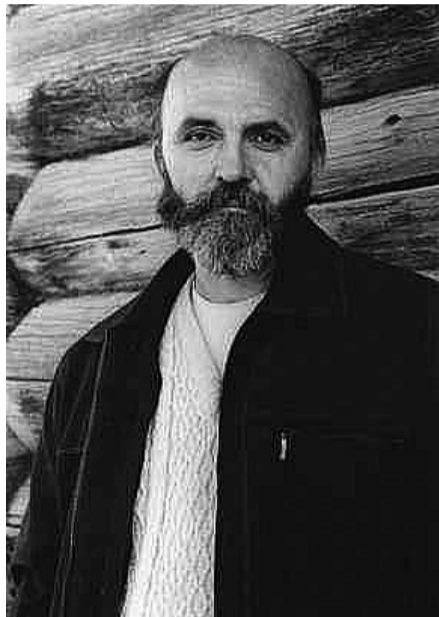
Н. Зиновьев: Мы считаем себя цивилизованным народом, Европой. Но взять наши корни — редко, кто дальше прабабушки, прадедушки что-то знает о своих предках. А африканские племена, дикари с нашей точки зрения, до 27-го колена знают, кого как звали, кто чем занимался, кто там был шаман, кто колдун. Ну, и кто из нас цивилизованней?

Н.Роженко: Обидный вопрос. Вот мы живем, не зная предков, и ничего, не кашляем. Живем себе, живем, и даже не плохо. Во всяком случае, в юбочках соломенных не бегаем, а носим цивильную одежду, ездим на хороших автомобилях.

Н.Зиновьев: Это одна сторона жизни, не духовная. Даже не душевная. Просто материальная.

Н.Роженко: Цивилизованность не в этом?

Н.Зиновьев: Конечно, нет. Я часто над этим думаю: насколько мы за 1000 лет продвинулись в прогрессе техническом. И ничуть не продвинулись в развитии человеческой личности. Наоборот, сделали шаг назад. Веры, каковая была у наших предков,

у нас нет. Христианство у нас лубочное, просто мода на посещение церкви, мода — казаться верующим. Как у нас постанутся? Пост, как очередная новомодная диета: я мясо есть не буду. Пошла в магазин, обчислила, обвесила, а мясо не ест. Да лучше ты напайся мяса, но не обманывай несчастную пенсионерку. Еда — это только вершина айсберга, а основное в посте — это борьба с самим собой, со своими грехами, со своими пороками. Пост — в душе, а не только в желудке. А если ты съешь кусочек сала или мяса, не такой уж это грех перед Богом, как обмануть, обидеть. Семьдесят лет мы жили в обезбоженной стране воинствующего атеизма. Мы считали — нет Творца! Мы сами себя творим. Ну и что мы из себя сотворили? Так в советское время еще боялись. Украл 100 тысяч у государства...

Н.Роженко: Расстрелять!

Н.Зиновьев: Да, к стенке. Сейчас украл несколько миллиардов — пересадили в другое кресло.

Н.Роженко: А разве это правильно — расстреливать людей за деньги? Отнимать жизнь?

Н.Зиновьев: А правильно воровать у вдов? У пенсионеров, у детей?

**Где чистых душ высокое родство?
Найти его — искать в стогу иголку.
Нас всех объединило воровство,
Как это ни печально, как ни горько.**

**И пусть меня хулят лжепатриоты:
«Да как он смеет? Что он говорит?»
Но, мой народ, достоин ли ты оды,
Когда крадешь цветы с могильных плит?**

О семье

Жена Николая Зиновьева Ирина работает в районной газете «Кореновские вести». В юбилейной «горячей линии» с читателями газеты Ирине задали вопрос, интересно ли быть женой поэта? Жаль, никто не спросил, легко ли быть женой поэта? Речь не о поклонниках, которые одолевают звонками и письмами со всех концов России. К известности мужа и восхищению читателей Ирина относится с пониманием. Она, как добрый дух семьи, создаёт все условия, чтобы Николай мог спокойно писать стихи. Чтобы ничто его не отвлекало, не мешало. Она оградила мужа от всех житейских забот, мужественно взяв их на свои плечи. Ирина не просто жена, она и личный секретарь,

ведущий переписку мужа, и советчик, и первый читатель и критик стихов. Она — ангел-хранитель семьи:

**Пришла, как день приходит ясный,
Руками отвела беду,
Мне стало ясно, что напрасно
Я буду ждать ее в аду.
Помню день крещения маленького**

Сегодня о стихах Николая Зиновьева спорят и литературоведы, и политики, и простые читатели. Но все сходятся в одном: «Такого поэта в России больше нет», «сравнить его не с кем», «народный поэт России».

Он — автор 13 поэтических сборников, вышедших в Москве, на Кубани, в Иркутске, Киеве, Новосибирске.

Илюшки: тёмные загадочные глаза старшей дочери Арины, взволнованные лица Ирины и Николая, умиленно-восторженные лица крестных родителей. Теперь пятнадцатилетний Илюшка активно осваивает окружающий мир, обожает ходить в гости и есть шашлык, гоняет на маленьком велосипедике и время от времени подбегает к маме, обнимает ее и шепчет: «Как я тебя люблю, мамочка! Какая ты у меня красивая!»

**Дорогой мой сын Илья,
Когда в землю лягу я,
По земле шагай ты споро,
Можешь даже побежать,
Под ногами я опорой
Буду намертво лежать,
И чтоб там не говорили,
Нет опоры крепче в мире.
Ну, конечно, кроме Бога.
Разве мы Его враги?
Шестувь смело, зри глубоко,
Сын мой... маму береги.**

Н.Роженко: Как-то один человек мне сказал, что семья, все связи родственные, они ему мешают полностью отдаваться делу. Они его связывают.

Н.Зиновьев: Какому делу отдаваться?

Н.Роженко: Не важно. У каждого человека есть свое дело.

Н.Зиновьев: Вот это-то и плохо, что у каждого есть СВОЕ дело. А у верующих людей есть одно дело — спасение души. Все остальное приложится. Вот это их объединяет. И нет более важного дела, чем спасти свою душу.

О нравственности

Н.Роженко: Если рушатся кровные связи между матерью и сыном, между взрослыми детьми и старыми родителями, между родителями и маленькими детьми, это о чем говорит? Что-то ненормальное происходит в нашем обществе или какой-то процент людей всегда был склонен к такому асоциальному поведению?

Н.Зиновьев: Мир все-таки идёт к концу света, вырождается. Любовь умалывается, беззаконие увеличивается. И примеров тому множество. Есть и исторический пример. По-моему, Гиммлер во время второй мировой войны сказал после обследования в концлагерях русских девушек: «Народ, где 90 процентов девушек до 20 лет — девственницы, победить нельзя». Речь идет о нравственной чистоте. А что мы видим в

наши дни? В двенадцать лет девочки пьют, колются, рожают. Разве деградация человека происходит?

**Первые сединки в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови — словно нитки. А в глазах —
Ничего, похожего на душу.
И стоит, румянами горя,
«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катка-полстакана», «Катка-шлюха».
Катя... Одноклассница моя...**

Н.Зиновьев: Если в царской России в деревне появлялась такая девушка, её называли известным словом. И относились к ней соответственно. А сейчас мы говорим: у неё роман. И чем больше романов, тем она считается круче, востребованней. Меня убивает рекламная фраза: «Ты этого достойна!» Чем она достойна и чего она достойна? Нарастить ногти или накрасить глаза? Разве это изменит её сущность? И эта глупая мысль о том, что она достойна накрашенных глаз — только вдуматься! — так навязчиво внушается, так серьезно подаётся. И девушка, накрасив глаза, идет ног под собой не чувствует, она считает, что достигла каких-то высот. Это всё дьявольская работа.

Н.Роженко: То есть нравственная чистота — это щит народа, способ сохранить нацию? Как всё взаимосвязано!

О сострадании и любви

Мы переживаем сложное время. «А когда времена были простыми?» — спросите вы. И что мне на это ответить? Когда человеку легко было противостоять злу, подлости, жестокости, негодяйству? Малолетние подонки пинают ногами старую учительницу физкультуры, снимают это непотребство на видео и выставляют в Интернет. Пассажиры на платформе столичного метро бросаются к упавшей на рельсы девушке не для того, чтобы помочь выбраться, не для того, чтобы предупредить машиниста, нет! Они спешат сделать «редкий кадр». Достают телефоны и снимают, снимают, как девушка гибнет под колесами. Бабушка пытается продать родного внука на органы. Родного внука! После взрывов в московском метро раненые, перепуганные люди ищут, на чём уехать. Таксисты тут же увеличили плату за проезд. В 10 раз! Спешили нажиться на несчастье. Что должно было случиться, чтобы мы стали такими?

**О, дни лукавства! Злобы лета!
Лжи и предательства стезя.
Отрадной в дуло пистолета
Взглянуть, чем ближе к глазу.
Тут даже мало быть поэтом,
Здесь только Богом надо быть,
Чтобы людей за все за это
Не ненавидеть, а любить.**

Русскую литературу всегда отличало милосердие, «милость к падшим» призывал еще Александр Сергеевич Пушкин. Николай Васильевич Гоголь вывел на страницы своей повести бедного чиновника Акакия Башмачкина, жизнью заплатившего за новую шинель, — и мир заплакал, жалея несчастного. Большая литература не развлекала, она заставляла думать. Сердцем думать. Большая литература выполняла Божественную миссию воспитания любовью, учила сострадать.

**Вослед прошедшей нищенке любой
Болит душа, как рана ножевая.
Но как отрадно сквозь тоску и боль
Подумать о душе своей: «Живая!»**
Это уже Николай Зиновьев, но посыл тот же: жалеть человека. Жалеть! Иначе гибель всем и всему.

Как-то у одной литературствующей дамы прочитала рассказ о божме, которого били в электричке. Ни грамма сострадания, ни йоты сочувствия. Холодный текст, равнодушная констатация факта. Как у видеокамеры, что увидела, то и записала. Не более. А между строк читалось

ЮБИЛЕЙ

Творческие упования «небесных поэтов» России

Если соизмерять канву собственных жизненных перипетий с Библейским днем, то в судьбе каждого человека после семи субботних лет (7х7) следующий пятидесятый год окажется юбилейным. Наступление юбилейного года возвещалось протяжным трубным звуком. Повеление Господа о юбилее было следующим: «Насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет. И освяти пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилей: и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь, в свое племя. Не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимайте ягод с необрезанных лоз ее. Ибо это юбилей; священным он да будет для вас...» (Лев: 25:8-12).

Не одно тысячелетие отделяет православный люд от данного ветхозаветного предписания. С момента принятия Христа верующие все больше стяжают свободу в Духе. И все же, чтобы не заблудиться и обрести путь, мы сегодня по-прежнему спрашиваем у древних: туда ли мы идем. И потому для русского человека юбилей не столько время торжества, сколько – подведения итогов, прощения взаимных долгов и созидания будущего. Для каждого, личностно, он является временем восстановления утраченного и возвращения к себе, возврата к началу.

В жизни Любови Мирошниковой ее собственный юбилей совпал с юбилеем космологическим (2010-й год!), а сам день рождения 9 апреля пришелся на Пасхальную Седмичу. А родилась Любовь чудесным образом в Великую Субботу 1960-го. По словам ее мамы: едва успела испечь пасхальные куличи, потом пошла и родила дочь. Господь упредил! И еще в Пасхальное Воскресенье того же 1960-го года кубанская земля одарила Россию таким поэтическим талантом, как Николай Зиновьев. Удивительное совпадение! Хотя совпадений у Бога не бывает! Так что землякам есть о чем задуматься, читая стихи юбиляров!

От соприкосновения с творчеством Любови Мирошниковой не покидает ощущение чего-то чудесного, явленного по мановению. И хочется пристально взглянуть в тайны ее творческих упований и понять каким образом эта подетски открытая, неподдельно восторженная, напоенная каким-то непостижимым внутренним светом поэтическая душа шагнула в мир глубоких сакральных предощущений, земных мытарств, что по силам порой лишь умудренным духовным опытом инокам:

*Пресвятая Богородица,
Слезы застыт белый свет!
Потемнело в моей горнице
От крылатых черных бед!
Ставни сердца закованы,
Впился в душу ржавый гвоздь,
У судьбы своей обочины
Ни хозяйка я, ни гость!*

Проникновенная сила творческих озарений Любови Мирошниковой – явно от архетипической предрасположенности русского человека к Слову, которая с самого детства была проявлена у нее в тяге к песне. Из воспоминаний близких, Люба петь начала с пелён. За способность мгновенно схватывать и точно воспроизводить любую новую мелодию соседи называли ее «Рула ты рула». Причем, Любу не останавливало в пении то, что она не знала слов песен. По детскому наитию она могла легко сочинить свой текст. Позже в ее творческой биографии будет и участие в детском вокальном ансамбле «Журавушка», и выступление в качестве солистки в женском вокально-инструментальном ансамбле «Кубаночка»... Но так по судьбе вышло: не пение стало ее главным призванием, а поэзия. Песня открыла душу, распахнула навстречу миру и, как камертон, задала внутренней мелодии высокую ноту:

*Первый снег, как младенец –
Как он радует глаз!
Словно гладь полотенец
Ширь неезженных трасс.
Самоцветами блестя
Вспыхнут в первых лучах,
Будто держат березки
Радугу на плечах!*

«Первый снег», «первые лучи», «снег, как младенец»... Эта первозданная чистота чувствований, – что от простоты образа, – словно причащает, приводит эмоциональный строй души к покою. И в этой осмысленной тишине развернутая метафора «самоцветных блестяшек», которые радугой вспыхивают на березках, – не выглядит предвзято. Радуга – как символ горней красоты – сочленяет радость земной юдоли с божественным замыслом о Земле.

Н.Н. Скотов назвал А.С. Пушкина «гением меры», понимая под мерой тот художественный такт, который по-

зволяет поэту не нарушить меру сакрального и мирского в Слове, не замутнить тот изначальный смысл, что и был у Бога первым...

*Теплая домашняя луна
Задремала в пуховой постели.
В мире воцарилась тишина,
Будто с неба ангелы слетели...*

С этим завидным запасом душевного целомудрия, благодаря которому открывается незаемная радость от соприкосновения с обыденным и земным, Л. Мирошниковая стала постигать жизнь во всех ее тонах. Чего оказалось больше в этой жизни – радости или печали? Об этом говорят ее стихи.

Приметой незамутненной невзгодами жизненной радости стали в творчестве Л. Мирошниковой стихи, посвященные детям. Повод к их написанию столь же высок, как и строки, что в светлый миг вдохновения переполняют ее душу («распахнулись яркие лучи...», «как дитя в колыбели, улыбается снег») – рождение ребенка. Первые стихи дарит Люба своим детям Денису и Юлечке – созданию лучезарному, с большими голубыми, словно удивленными фактом собственного рождения, глазами. Материнство открыло Любови дар непрестанно удивляться миру, улыбаться доброту в нем, искать смысл в кажущейся нелепости, безоглядно доверять необычному... Именно детство – самая чуткая и восприимчивая для Благодати пора. Внимай миру – и рождаются строки:

*Тайна есть в реке большая,
Коль от дедов до внучат,
Никому не разглашая,
Рыбы про нее молчат.
Или:
Чу, камыш шуршит над речкой,
Словно мышь в углу за печкой.
И, как глазки у котят,
В небе звездочки горят.*

Стихи, вошедшие в сборники «Кому быть воробьем?» (1992) и «Выручалочка» (1998), адресованы детям дошкольного и младшего школьного возраста. Но никак не хочется их назвать детскими. «Детский поэт», «детские стихи», «детская литература» – придумено взрослыми, которые пишут, как дети, подражая детям. Хотя у А.С. Пушкина есть сказки, у А.К. Толстого – стихи, адресованные детям, но никому в голову не приходит называть их детскими писателями. Настоящий талант, а тем более гениальность лишены гендерных, возрастных, национальных и других признаков. Бог един, и Он наделяет талантом по Образу и подобию. Пушкин с его «Сказкой о Золотом Петушке» в анналах мировой классики стоит в одном ряду с Данте, Шекспиром, Гете... Потому что метафизичен. Лишь

под пером поэта с метафизическим сознанием могла родиться мимолетная строка о Сальери: «Человек, оставивший Моцарта (в день премьеры «Дон Жуана»), мог убить Моцарта». И неважно, убил Сальери Моцарта (подвернулся ли случай?) или нет. Для Пушкина важно, что Сальери по причине собственной бездарности, ущербности, неизменно болезненно переживаемой зависти по отношению к гению Моцарта, по своей метафизической сущности был убийцей. Сегодня отечественной литературе именно эта грань поэтического таланта как никогда важна. Утрачены духовные ориентиры, трудно распознать под внешним благообразием безблагодатную суть. И потому понятие «детская» в отношении литературы рассматривается сегодня критиками в ином смысловом контексте, далеком от ее жарово-типологических характеристик.

На страницах «Литературной газеты» (№№ 33-36 за 2010 год) в рубрике «Общество» прошла дискуссия, открытая Львом Анненским о «детскости» русской души». Ф.М. Достоевский высоко ценил это коренное свойство души россиян, заключающееся в особой нравственной чистоте, открытости, доверчивости, всепрощении, максималистском неприятии зла, доходящем до кровавого бунта. Одним словом в том, что на научном языке называется отсутствием ориентиров на внешнюю рациональную законность. Андрей Столяров, вступая в диалог с Анненским, не без основания настаивает на том, что «детскость» составляет смысл и сущность русской цивилизации, с ее необустроенным бытом, с равнодушием к гражданским и политическим свободам. «Детскость» – это качество, присущее гениям. Благодаря незамутненности зрения гении могут видеть вечность во времени, разглядеть сквозь пелену быта вещество бытия. Прав А. Столяров в том, что если существует для России опасность, так это «повзрослеть», идя вослед цивилизации чистогана.

Поэтический талант Любови Мирошниковой отмечен именно этим редким даром «детскости», русскости, незамутненной духовной зоркости, душевного обаяния. Кажалося, что особенного в строках:

*Притаилась кошка в ванной,
Моет нос от каши манной:
Нелегко тайком за Машу
Доедать под стулом кашу?*

Именно то, что в их интонации, образном строе, смысловом коде отсутствует лукавство, имитация «детскости». В стихах Л. Мирошниковой перед нами предстает мир человека, входящего в жизнь. Мифологическое сознание ребенка, пробужденное сказками, притчами, былинами, колыбельными песнями и не отягченное рациональными просчетами сиюминутных бытовых треб, намного богаче и ассоциативней, поэтичней по своей сути. И потому вполне убедительно выглядят метафоры-символы в стихах Л. Мирошниковой, где весенний снег линяет именно, как зайчишка («Ручеек»), а подснежник проклевывается сквозь снег-скорлупу, как цыпленок («Первооткрыватель»). Для детского сознания эти образы – не художественный вымысел, а реальность, в которой они живут и которая выходит за рамки обыденного «взрослого мира», включает картины первозданного макрокосма, живой природной стихии, все составляющие которой иерархически равноположены по отношению друг к другу. В стихотворении «Про солнышко, про Аллочку и эскиммо на палочке» диалог Аллочка с солнцем («Отчего ж ты, солнышко, Не жалеешь горлышко? Заболеешь ты ангиной, Кто тебе даст чай с малиной, На ночь сделает компресс?») – это не только иллюстрация тонкого психологизма детской души, но и кодировка Божьего замысла о вселенной: и солнце, и небо, и человек, и звезды – все в равной степени дороги Богу как плод его творений. И дети, в силу возраста не дистанцированные от Вечности, знают об этом. И не будучи отягченными опытными знаниями астрологии, физики, механики, – чувствуют себя с Небом на равных:

*- Тучка-тучка, это мило,
Что бульвары ты умыла,
И деревья, и дома!
Отчего ж черна сама?
- Не успела, как всегда –
Быстро кончилась вода.*

Переход в творчестве Л. Мирошниковой от стихов для детей к духовной лирике не случаен. Известный российский прозаик Вяч. Дёгтев незадолго до своей смерти в «Последнем параде» скажет фразу «Это только глупцы думают, что сердце в доме радости и ищут забвения. Мудрые знают, что сегодня сердце – в доме печали, а значит приобретений». Скорбя, народ взрослеет духом. «Россия переживает страшные годы. Поистине решается судьба нашего племени, судьба славянства. Не на какую-нибудь

ПАМЯТЬ

Добро остаётся людям

Не случайно Афанасий Федорович родился на Крещение. В такие дни, говорят, появляются на свет светлые люди, вероятно, поэтому Господь уберег его от смертельного тифа в детстве и дал ему долгую жизнь до 90 лет.

В деревне Мансурово Курской области, откуда родом Афанасий Фёдорович, его звали Афоня-грамотей, так как он рано научился читать и писать. Церковно-приходская школа, в которой учился Афанасий Медведев и был в ней лучшим учеником, находилась в соседнем селе. Учительница в сильную пургу бедному добросовестному мальчику позволяла оставаться ночевать в школе: онучи грели плохо.

Рано повзрослев, Афанасий Фёдорович главными принципами в своей жизни считал честность, порядочность, любовь к своей земле, людям, профессионализм в работе. Благодаря труду и упорству, он прошёл все этапы становления руководителя. В 17 лет его выбирают секретарём и председателем крестьянского комитета взаимопомощи — организации, сплачивающей бедняков для ведения собственного хозяйства. В 22 года Афанасия Медведева избирают председателем сельского Совета, а в 25 лет — председателем исполкома волостного Совета. Он едет учиться в Воронеж. Там его в 1932 году зачисляют в высшую коммунистическую школу с трехгодичным сроком обучения. В этой школе преподавали доценты университета, сельскохозяйственного института, коммунистического университета. А практика у него была такая, что хватало б на две жизни. Для молодого, энергичного Афанасия Медведева эта работа была знакома с детства. Оставшись в семье за старшего после смерти отца, с 14 лет он и пахал, и сеял, и за скотом присматривал. Очевидцы говорят: «В его руках работа кипела».

В высшей коммунистической сельскохозяйственной школе свои знания Афанасий Медведев применял в учебно-производственном хозяйстве «Отрадное», где нужно было ещё управлять трактором, разбираться в сельхозтехнике.

Из Воронежа А.Ф.Медведева направили в Москву на курсы руководящих партийных работников при ЦК ВКП(б). После окончания курсов ему выдали прекрасную характеристику, которая позволила А. Медведеву работать в Кабардино-Балкарии. Некоторое время он жил с семьей в поселке Майском, (знаменитом своим Пушкинским дубом, о котором его дочь Светлана Медведева позже напишет рассказ), а потом перевели в горком партии г.Нальчика. На долю семьи руководителя выпали тяжелые переезды, неустроенности быта, но они её только сплотили, и когда стало появляться чувство оседлости, грянула Великая Отечественная война. В августе 1941 года Афанасий Федорович уходит добровольцем на фронт. Его назначают старшим инструктором политотдела 56-й армии. Он защищал Кубань, воевал под Новороссийском, на Малой земле. Тут и получил тяжелое ранение и контузию.

В ноябре 1943 года после длительного лечения в госпитале, А.Медведева назначают ответсекретарём партийной комиссии при политотделе 49-й учебной стрелковой

дивизии в Краснодаре. В 1945 году Афанасия Медведева переводят инструктором Краснодарского крайкома ВКП(б), а на следующий год его избирают секретарем Новолешковского райкома партии. Так после войны он остался на Кубани и восстанавливал страну. При нём в районе повысилась урожайность зерновых и технических культур. Афанасий Федорович толково, грамотно распоряжался артельно-крестьянским хозяйством, часто бывал в колхозах, осматривал поля и фермы, ездил на линейке в сапогах и телогрейке. Он никогда не подчёркивал своего руководящего положения, разговаривал с людьми уважительно, душевно.

Позже дочь Светлана Афанасьевна напишет: «Когда я возвращалась из магазина с хлебом, папа ласково брал его в руки, словно ребенка малого, подносил теплый кирпичик к лицу, вдыхал пекарский и раздольно полевой аромат, гладил жесткую горбушку и негромко говорил: «Спасибо, доченька. Мы — хлебные люди».

Заботился А.Медведев о том, чтобы колхозники отдыхали интересно, ощущали полноту и радость жизни во всем. Это по его инициативе проходили ярмарки, скачки, первомайские и ноябрьские демонстрации, выставки, театральные постановки.

В 1953 году А.Медведева назначают первым секретарем Кореновского райкома КПСС. При нем колхозы собирали по 120 пудов озимой пшеницы с гектара. Не зря секретарь вникал во все и к нему в район приезжал Н.С.Хрущев.

Афанасий Федорович откликался на все события. Для него главным был порядок везде: и на работе, и в семье. Не найдётся человека, который был бы обижен на А.Медведева, ибо он умел коллективно решать все вопросы, работая круглые сутки. При нём станица Кореновская преобразовалась в город: в домах появилось электричество, стали ходить автобусы, ремонтиро-

вались дороги. Страна переживала трудное послевоенное время. И когда открывались новые школы, детские сады, больницы, молочно-консервный комбинат в Кореновке, люди радовались своим победам.

Афанасий Фёдорович и в семье был примером, к своей супруге Надежде Васильевне всегда относился с особой нежностью, благодарностью, что та сохранила детей, прикрывая их собой во время бомбёжек, и не была на оккупированной территории, уйдя в горы.

Надежда Васильевна могла из «ничего» приготовить вкусную еду — надо было уметь! Голод научил. Была аккуратной хозяйкой, умела вязать, вышивать, успевала еще и

дям: помощи, защиты, сострадай, действуй, уеди, учись, работай.

В рассказе «Сын ореха», опубликованном в начале 2010 г., Светлана Афанасьевна написала самые главные слова об отце: «Мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, в душе оставался крестьянином. И когда мы поселились в этом доме, он нашел во дворе место для саженцев ореха, сливы, абрикоса, сирени и липы. Много лет уже нет на белом свете моих родителей, а каждой поздней весной и ранней осенью все жители нашего двора, а еще девчонки и мальчишки из соседних лакомятся солнечными ягодами и сбивают орехи. Добро остаётся людям. Так повелось».

«У каждого человека своя судьба, своя жизненная дорога в пространстве времени, а отдельная жизнь — ключ к его пониманию» — это слова из рассказа Светланы Медведевой, (цикл «Хранитель времени»), в которых заключена глубокая мысль, составляющая основу жизни.

Да, каждому поколению дано прожить своё время, полное тяжких испытаний. Но сможем ли мы, пройдя через все жернова судьбы, найти ключи к пониманию нашего времени, утратившего, и, слава Богу! вновь возрождающего духовные ценности? Да, сможем, если обратимся к истории Кубани, куда вписано доброе имя Афанасия Федоровича Медведева.

Фотографий, на которых запечатлен Афанасий Медведев, очень мало. Он не любил фотографироваться, а если и фотографировался, то в окружении товарищей по работе, рабочих и крестьян, передовиков производства, в кругу семьи и боевых друзей.

общественной работой заниматься. Женщины ходили к ней за советом по ведению хозяйства. А как пела, вся станица заслушивалась! А каких дружных и достойных детей воспитала!

Сын Анатолий Медведев, закончив с отличием Краснодарский политехнический институт, продолжил учебу в Ленинграде, стал доктором наук, профессором. Сегодня в музее КубГУ есть уголок, посвященный Анатолию Афанасьевичу. Дочь А.Ф. Медведева Светлана после окончания средней школы с золотой медалью и с красным дипломом Краснодарского педагогического института им. 15-летия ВЛКСМ около сорока лет проработала в школе, за что была удостоена звания «Отличник просвещения СССР», а позже — «Заслуженный учитель школы РФ». Она член Союза писателей России, четверть века поёт в вокальной студии Дома ученых и инженеров, занимается общественной просветительской деятельностью.

— Каким Вы запомнили своего отца? — спрашиваю у С.А. Медведевой.

— Очень добрым человеком был, — ответила она. — В нашей семье существовало мудрое правило: «Раньше думай о Родине, а потом о себе», и жили мы по семи запове-

Светлана Афанасьевна Медведева стала хранителем семейных реликвий. Её квартира, словно музей, превратилась в некую духовную обитель, где она оберегает память любимых: матери, тёти, отца и брата. Многие события нашли свое отражение в поэзии и прозе Светланы Медведевой: «Поход за молоком», «Уроки войны», «Тихий вальс», «Стоят в сарайке сапоги», «Лукошко любви», «Планшетка», «Письмо», «Время», «Кольцо родным теплом согрето». Среди дорогих её сердцу вещей есть семь замечательных альбомов — фамильный архив. В одном из них на первой странице две фотографии: простой русский крестьянин, вспахивающий землю и молодой, энергичный Президент России, внук Афанасия Федоровича и Надежды Васильевны, сын Анатолия Афанасьевича, племянник Светланы Афанасьевны Дмитрий Анатольевич Медведев. Вспомнились слова, произнесенные нашим Президентом на пресс-конференции со студентами университета в Томске: «Каждый должен отвечать за свои дела и по деяниям ему воздастся».

Марина Голубева

«Пойди купи хлеба, а на остальные — подушечек. Вот тебе сорок копеек», — попросила мама и протянула мне авоську.

Продмаг находился на улице Партизанской, пересекавшей улицу им.Ленина, на которой мы жили. Зажав в руке четыре гривенника, я быстро пробежала это расстояние. В магазине никого кроме продавщицы тети Гали не было — все в поле, на ферме, на огороде. Вот и папа в телогрейке поверх военной формы уехал рано — ранехонько на линейке к рабочим, которые чинили единственный в колхозе трактор.

Послевоенная весна принесла снежную прохладу. Поэтому мамина кофта пришлась мне впору как пальто. Только рукава я закатила. Цветная косынка прикрывала уши, и две веселые косички лежали по плечам.

«Кирпичик и...подушечек», — тихо сказала я. Хлеб сразу

Светлана Медведева ПОДУШЕЧКИ

пошёл в авоську и я стала наблюдать, как тётя Галя, оторвав от большого куска серой бумаги — маленький, ловко скрутила его в кулёчек и стала набирать металлическим совочком конфеты из небольшого ящика. Весы колыхнулись, в кулек добавилось еще несколько слипшихся подушечек, и совок остался на прилавке. Продавщица прижала острый угол кулька к другому и подала мне. «Спасибо», — улыбочиво произнесла я. «На здоровье», — почему-то со вздохом ответила она.

Авоська висела на руке, а кулёк с конфетами я несла, словно букет ландышей, прямо перед собой. Желание заглянуть в него было так велико, что через какое-то время я остановилась и хотела уже отвернуть уголок кулька, но тут доярка тетя Маша показалась из-за дома, и я, почему-то покраснев, поздоровалась с ней, а потом слизнула несколько сахаринок с края кулечка. Сахарные подушечки, часто слипшиеся, были в то время большим лакомством и для детей, и для взрослых.

Дома я поставила хлебный кирпичик на полку, в щербатое блюдце пересыпала сахарные подушечки с повидлом, а серую оберточную бумагу не выбросила, зная, что ее можно использовать как черновик при решении арифметических задач. Светлые узкие поля газеты подходили для этого меньше. Беловиком служила тетрадь. А кусочек оберточной серой бумаги ещё хранил запах подушечек...

Памяти товарища

Кубанская культура понесла тяжёлую утрату. На девяносто первом году ушёл из жизни Иван Иосифович Мутовин, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Кубани, полковник Комитета государственной безопасности в отставке, участник Великой Отечественной войны.

Иван Иосифович родился в сибирском селе Богучаны на Ангаре. В юности работал в районной газете «Ангарская правда». Образование завершил в Московском институте, ныне техническом университете им. Баумана. В 1944–45 годах участвовал в разведывательных операциях по выявлению и разоблачению немецкой агентуры. Имел многочисленные награды.

Первая книга И.И.Мутовина вышла в свет в 1964 году. Все последние годы писатель активно работал над главным замыслом своей жизни – серией книг «Разведчиками не рождаются», о пламенных защитниках Родины – «бойцах невидимого фронта», героях-чекистах. В канун 90-летия писателя вышел в свет 20-й том. Восьмитомная серия «Выдающиеся разведчики и контрразведчики XX века» была удостоена Всероссийской литературной премии и премии администрации края в области культуры.

И.И.Мутовин – номинант Государственной премии 2001 года.

За большой вклад в укрепление могущества и славы России Высший Совет Форума «Общественное признание» наградил Мутовина И.И. Золотым Знаком и присвоил звание лауреата в 2003 году.

Собратья по перу знали Ивана Иосифовича, как старшего надёжного товарища, человека высоких нравственных идеалов, истинного защитника нашей Родины.

Светлая память об Иване Иосифовиче Мутовине навсегда останется в наших сердцах.

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России,
Краснодарское региональное отделение Союза журналистов России

КОНКУРС «СПАСЁННАЯ ВЕСНА»

Виктор Деревянко

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Очерк

Мой отец, Деревянко Алексей Данилович, выходец из семьи кубанских казаков станицы Пашковской, был призван в армию в 1937 году и участвовал в печально известной финской компании, с которой вернулся с медалью «За отвагу». Закончив в Москве курсы политруков осенью 1940 года, он получил назначение в 312-й пушечный полк военного гарнизона г. Витебска. К месту назначения мы выехали всей семьёй.

И вот здесь оживает первая в моей памяти «моментальная фотография»: я сижу в железнодорожном вагоне на колёнах у отца, возле окна. Передо мной отцовская грудь в гимнастерке, на которой заманчиво блестят награды и значки. Я снял один из значков, чтобы поиграть, и уронил его в щель вагонного окна. Мама стала ругать меня, а отец защитил. Это всё, что осталось у меня в памяти об отце, умершем от ран в ноябре 1943 в эвакуационном госпитале № 2859 в поселке Решетиха Горьковской области в звании лейтенанта гвардейского 312-го пушечного полка.

Вторая «моментальная фотография» в памяти: первый день войны. здание офицерского общежития в гарнизоне г. Витебска содрогается от взрывов бомб. Мама спешно собирает вещи в жёлтый саквояж, расстегивающийся по всей длине. Бросает в него различные продукты: печенье, вафли, конфеты. Этот саквояж и кормил нас, пока мы не добрались до родной Кубани. А отцу пришлось отступить с боями до самой Волги, участвуя и в обороне Крыма, и в защите Сталинграда.

Уже будучи взрослым мужчиной, я прочитал в материалах военной истории, что город Витебск был почти стёрт с лица земли гитлеровской авиацией в первые два дня войны. И всё же отец сумел отправить нас из города!

Третья и последняя фотография в памяти: мы с мамой едем в эшелоне, за окном (потом я это не раз видел в фильмах военной хроники) встают чёрные фонтаны земли – это гитлеровские самолёты бомбят наш состав. Поезд останавливается. Мы выбегаем из вагона, бежим с мамой в степь, а потом снова возвращаемся в наш эшелон. Вот так маленьким мальчиком я встретился с войной на самой границе нашей страны. Как мы добрались до Краснодара – не помню.

В возрасте четырёх лет мои воспоминания становятся более непрерывными и

опять они связаны с гитлеровцами, которые теперь уже пришли в наш дом.

Август 1942 года: я помню, как мама рассказывает бабушке после первого дня оккупации, что по Красной, на квартале между улицами Горького и Пашковской, на балконе дома, в котором до недавнего времени был райвоенкомат, немцы повесили оставшегося в городе для ведения подпольной работы секретаря, если не ошибаюсь, Кагановичского райкома партии – инвалида, повесили вместе с его костылями. Сейчас, когда вспоминаешь об этом, удивляет быстрота предательства.

А вскоре «сарафанное радио» донесло до жителей нашего коммунального двора на углу улиц Седина и Горького, что эсэсовцы проводят тотальную проверку квартир нашего квартала на предмет наличия оружия или спрятанных раненых красноармейцев.

Здесь надо сделать небольшое отступление и сказать пару слов о моей бабушке, Яненко Анастасии Семеновне, удивительной русской женщине, которую знали и любили не только в нашем дворе, но и во всем квартале.

Женщины, подобные ей, по-моему, олицетворяли нашу Россию. Мой дедушка умер перед войной; был он портным – мастером высокого класса, в своё время получившим медаль на одной из выставок царской России за пошив «портков», как называли раньше брюки. Бабушка родила ему двенадцать детей: шесть девочек и шесть мальчиков. Четверо её сыновей и мой отец, её зять, воевали на фронте. Их фотографии в военной форме украшали стены нашей скромной «турлучной» квартиры. И вот бабушка, старая малограмотная женщина, прошедшая, однако, все жизненные университеты, решила не пускать немцев в квартиру.

Мамы в это время дома не было. Врезной замок в нашей двери отсутствовал, если была необходимость – её запирали снаружи на «висячий» замок. Поэтому бабушка закрыла дверь изнутри на крючок, присела у двери и ухватилась руками за дверную ручку. А мне сказала: «Виталик, смотри в окно и не оглядывайся на меня. Когда подойдут немцы, скажи им: «Нихт, никого дома нет».

И когда только она успела выучить немецкие слова? Через некоторое время в наш закоулок вошли два эсэсовца в чёрной

форме с серебряными нашивками. Они подошли к окну и один из них постучал пальцем по стеклу. Я отрицательно покачал головой и сказал, как велела бабушка, но при этом повернул голову и посмотрел на неё. Бабушка испуганно замахала на меня рукой, чтобы я отвернулся. Я снова посмотрел на немцев: один из них подошёл к двери и подёргал за ручку. Дверь зашаталась, и вслед за ней закачалась моя худенькая бабушка, повисшая на внутренней ручке двери.

Она выиграла эту психологическую схватку с эсэсовцами. Немцы, видя в окне головастого пацанёнка и закрытую дверь, посмотрели друг на друга, пожали плечами и ушли со двора. Вполне вероятно, что в этот момент бабушка спасла и себя, и меня от гибели в «машине-душегубке». Такие машины немецкая зондеркоманда впервые применила в Краснодаре для уничтожения мирного населения.

И пошла жизнь в оккупации чем дальше, тем страшнее. Приближалась зима, топить печку было нечем, и женщины нашего двора постоянно ходили в Красный лес на берег Кубани – собирать сухие ветки на дрова. В один из таких походов они нашли в кустарнике тело погибшего красноармейца. Моя бабушка обыскала тело и нашла воинский медальон с домашним адресом погибшего воина. Бойца похоронили, медальон сохранили, а когда Краснодар освободила Красная Армия, мама написала семье покойного. К нам приехала его жена, и бабушка водила ее на место захоронения мужа.

А зимой 1942–1943 года я едва не потерял свою маму. Она ходила к вокзалу на железную дорогу собирать уголь, рассыпанный вдоль полотна. Это спасало нас от холода. Но однажды маму забрал полицейский патруль и доставил в военную комендатуру. Полицай, дежурившие на вокзале, были русскими. Старший из них приказал: «Всыпать воровке пятьдесят плетей!» Мама упала перед ним на колени и стала просить: «Пан, не убивайте меня, у меня маленький ребёнок, а я не выживу после такого наказания!». «Пан», – так эти предатели земли русской заставляли себя называть. Но, слава Богу, всё обошлось – маму отпустили с угрозами и бранью.

Мне было уже почти пять лет, и такая жизнь заставляла быть не по возрасту сильным... Однажды, я нашёл на улице возле парикмахерской небольшой аккумулятор, по всей вероятности от мотоцикла,

который принёс к нам во двор. Переполюх был большой: женщины заставили вынести аккумулятор на улицу, боясь, что я стащил его у бредущего в парикмахерской немца. В другой раз я притащил во двор винтовку, которую нашёл на углу улиц Чапаева и Седина, прислоненной к дереву. Сейчас здесь находится мастерская по ремонту одежды, а тогда у немцев там был какой-то склад. По всей вероятности часовой (румын или мадьяр), которых в городе было много в составе немецких частей и которые не отличались особой дисциплиной, ушёл по надобности, не побоявшись оставить оружие. Бабушка в ужасе выбросила винтовку в выгребную яму нашего двора.

12 февраля 1943 года наши войска освободили Краснодар. Накануне ухода немцев из города мы не ночевали в своей квартире, а ушли к соседке в глубину двора. Прошел слух, что немцы перед уходом будут взрывать телеграфные столбы, а их у нашего дома было два: один на углу квартала, а другой – напротив нашего окна. Наконец, наши войска вошли в Краснодар, а вместе с ними в город влились потоки радости, ликования, освобождение от страха и ужаса. Даже мы, маленькие дети, чувствовали всей душой настроение взрослых.

Теперь у меня появились новые игрушки: обгоревший станковый пулемет, большая казачья сабля, черкесский кинжал с обгоревшей рукояткой, австрийский длинный штык, а потом и немецкий кинжал из голубоватой стали в поржавевших ножнах.

Повзрослев, я всё это спрятал под стреху, а мой отчим, делая ремонт потолка в пристройке дома, «зашил» мой клад досками. Рассказывая потом внукам о своём обожжённом войной детстве, я часто напоминал им, что у меня в старом доме на улице Седина есть военные трофеи.

А недавно, побывав в старом дворике, я узнал, что нашу комнату приобрёл новый хозяин, сломал её и выстроил на этом месте парфюмерный магазин с выходом на улицу Горького. Я спросил у новых жителей во дворе, не находил ли кто-нибудь при разборке кровли старого дома саблю или кинжал. Соседка, беженка из Карабаха, сказала мне, что видела какую-то ржавую железку, которую куда-то забросили ребята.

Как хотелось бы, чтоб сбылись, наконец, слова великого американского писателя Эрнста Хемингуэя: «Прощай, оружие!». Мир так устал от тебя!

КОНКУРС «СПАСЁННАЯ ВЕСНА»

Сергей Зубарев

Небесное воинство

Отцу моему, Зубареву Куприяну Григорьевичу, участнику Великой Отечественной войны, воину Воздушно-десантной бригады посвящаю

Святой Георгий собирает рать,
И в небеса уходят ветераны.
Они и там, коль дан приказ: «Стоять!»,
Отчизну защищать не перестанут.

Проходят батальоны и полки,
И облака колышутся, как волны.
Незримые те воины легки,
А в их руках сверкают пики молний,

Готовые, лишь только грянет гром,
В прах сокрушить любого супостата.
И час придёт, мы отстоим свой дом –
Бог с нами и небесные солдаты.

И ты, отец мой, тоже в том строю,
В полку десантном, где солдаты седы,
И слушаешь, как ангелы в раю
Для вас играют светлый марш Победы.

Тертерьянц Эмма

Дрожащая рука удерживает ложку.
У непослушных ног притих дворцовый пес.
Соседка выстирала ветхую одежду.
Малец знакомый утром хлеб принёс.

На лавке, у крыльца сидит он одиноко,
А на щеке блестит предательски слеза.
И на глазах больших, бесцветных поволока,
Когда-то они были, словно бирюза.

На плечи узкие его пиджак наброшен.
Медали в три ряда оттягивают бок.
Помешивает чай.
Нет, он ни кем не брошен.
Он пережил родных и просто одинок.

На все вопросы в доме эхо отвечает.
Он продал кое-что, а что-то сдал в музей.
И нынче День Победы чаем отмечает,
Ведь боевых ста грамм не выпить без друзей.

Смотрел он тихо вдаль.
Лишь старенький ракичник
Мог слышать с памятью души его беседу.
На лавке у крыльца сидел страны защитник,
Над смертью одержав еще одну Победу.

Любовь Галицкая

**ТРАГЕДИЯ В КРАГУЕВЦЕ
В ОКТЯБРЕ СОРОК ПЕРВОГО**

Здесь шаг ступи –
и отзовется стон.
То прошлого
пронзительное эхо.

Здесь детского
нельзя услышать смеха.
Здесь смерть взошла
на свой кровавый трон.

Взошла на трон
в обличье не людском.
Безумен нрав
у этой дикой твари.

Ей сладок запах
преступленья гари.
Ей люб дотла
сожжённый ею дом.

Лежат в могиле
школьные друзья.
Лежит учитель -
всех казнили разом.

Страдальная

Шумади земля.
Убийц потомкам
путь сюда заказан.
В Беслан и Крагуевац -
одна и та же дверь.
У палачей
одни и те же лица.
Так зверствовать
не может даже зверь.
Забудем –
преступленья повторится.

Тарабокио Игорь

За Победой

Холод на юге трудней переносится.
Рвёт лютый ветер. Военный апрель.
Ждет их Мысхако — узкополосица.
Градом снарядов означена цель.

Отблески касок. Портовая улица.
Лощман на борт — отдаются концы.
Ночь. Геленджик. Тут десант формируется.
Тесно на сейнере — всюду бойцы.

Немцами занята балка Широкая.
Море в столбах — постоянный обстрел.
Слева и справа — могила глубокая.
Жизнь или смерть? Неизвестен предел.

Море усеяно вражьи минами,
Нагло прожекторы смертью грозят.
В ночь, за победой! Решение приняли.
Знали — так надо. Иначе нельзя.

Виктор Малахов

Росинки слёз катились с век,
В печали мать, жена и дети.
На фронт любимый человек
Уехал утром на рассвете.

Разлука душу леденит
И в пустоту простерты руки.
Вагонам вслед жена глядит,
Ловя стихающие звуки.

Война рвала сплетенье рук
Любви в семье обыкновенной...
Не сосчитать таких разлук
В суровых днях поры военной!

Фотография деда

Ради праздника прибрана хата,
Куст сирени, цветущей в окне.
Май. Весна. Юбилейная дата
Дня Победы в священной войне.

На стене фотография деда,
В сорок первом подарена мне.
Он тогда мне о страшном поведал,
О сметающей жизни войне...
Как набат, баритон Левитана,
Произнес ранним утром: «Война!»
На защиту земли своей встала,
Сыновей провожая, страна.

Их лавиной бросала в атаку,
Словно в топку котла уголёк
И сгорали они без остатка...
Путь к фашистской берлоге далёк.

Полз солдат по Европе на Запад,
Километры сгребая к груди,
Приближая победную дату,
Зная точно, — она впереди.

Дед погиб, не дойдя до Берлина,
Под Варшавой случилась беда —
Разыскала его вражья мина
И остался он там навсегда.

В светлый праздник Великой Победы,
Что досталась высокой ценой,
Под святой фотографией деда,
Ставлю вазу тюльпанов весной.

На стене фотография деда.
Не стареет. Всегда молодой.

Владимир Гордиенко

Нам уютно в солдатской теплушке
В приоткрытую дверь виден мир!
Полустанки мелькают, опушки
Под гармошку поёт командир!

Впереди дорогая сторонка,
Словно оспой побита земля.
Мы приедем, запашем воронки,
И насадим кругом тополя!

Нелегко нам сюда было топтать!
«Марш Славянки» играй, командир!
Пусть навеки запомнит Европа,
Тех, кто дал ей свободу и мир!

На вокзале, к солдатской теплушке
Выйдут жёны и дети — встречать.
За победу подыдем мы кружки!
Победителей будем качать!

Борис Стариков

Киноленты треск, а на экране
Взрывы мин, чающаяся земля.
Вот солдат куском металла ранен.
Ранен он, а кажется мне, — я.

Это я шагал с ним до Берлина,
Мёрз в окопе, в танке догорал
И в атаке вяз в кровавой глине,
В рукопашной, зубы сжав, орал.

И домой вернулся в День Победы,
В двадцать шесть познавший седину.
Я прошёл сквозь смерти и сквозь беды.
Я пришёл, я победил войну.

Своего сдержать не в силах вскрика,
Позабыв про все свои дела,
От любви ко мне светлее ликом,
Мать меня собою оплела.

Пусть рождён я в год послевоенный,
За собой не чувствую вину.
Пламенеют звёзды во Вселенной,
Я солдат. Я победил войну.

Владимир Кисилёв

На границе двух деревень,
У дороги, что в город ведёт,
Занял в первый военный день
Оборону пехотный взвод.

Против «Тигров», «Пантер» и пушек
Шесть гранат и один пулемёт,
Да ещё три десятка безусых
Пацанов. Вот и весь оплот.

Как умели так и сражались
Эти русские пацаны,
Полчаса всего продержался,
Полчаса из огромной войны.

И, изменой себя не унизив,
В штыковую глаза в глаза,
Встали дружно! Победу приблизив
К нам на целые полчаса.

Никогда в дни Победных парадов
Нам теперь забывать нельзя,
Вместе с Курском, Москвой, Сталинградом
Те июньские полчаса.

Во всех отделениях связи открыта подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге «Почта России» 54713,
цена подписки 98 руб. 40 коп.

СП-1

ПОЧТА РОССИИ

АБОНЕМЕНТ на газету **54713**
журнал индекс издания

Газета «Кубанский писатель»

наименование издания количество комплектов **1**

на 2009 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда почтовый индекс адрес

Кому фамилия, инициалы

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету **54713**
журнал индекс издания

Газета «Кубанский писатель»

Стоимость	подписки	98 руб. 40 коп.	Кол-во комплектов	1
	пере-адресовки	руб. коп.		

на 2009 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда почтовый индекс адрес

Кому фамилия, инициалы

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
П/И №ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Зам. главного редактора: В. И. Яковлев
Ответственный секретарь: В. А. Динека
Редколлегия:
В.А. Архипов, Л.Д. Бирюк, Н.Т. Василинина, А.В. Горбунов,
Н.Ф. Иванов (Москва), Н.А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва),
Л.К. Мирошникова, В.Д. Нестеренко, Н.В. Переяслов
(Москва), А.Н. Пономарёв.
Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350000
г. Краснодар, ул. Коммунаров, 43
тел. 8-961-509-30-53,
тел. 262-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайте
Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А.С. Пушкина
www.pushukin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флёр-1»
г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
Заказ № 2364
Подписано в печать
в 10.00, 28.04.10 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная